

26 июня 2019 года концертом Александра Фисейского Государственная филармония Алтайского края закрывала очередной органный сезон

На высокий лад

текст **Олег Ковалёв**

Лето не лучшее время для концертов, и собрать в конце июня полный зал сложнее, чем осенью или весной. Тепло и солнце зовут куда-то в другое место: на пляж, в лес, на рыбалку, на дачу...

Но зал был полон. Надо сказать, что органная музыка не обделена вниманием в нашем городе. Филармония регулярно устраивает органные вечера, приглашая выступить органистов известных и просто хороших — из разных стран. У этих концертов есть своя публика — не та, что посещает симфонические концерты. Здесь меньше профессиональных музыкантов, которые иногда приходят, словно по принуждению, больше молодежи. Больше, наверное, и случайных людей — публики неискушенной, пришедшей услышать не музыку, а орган — старинный, странный, интригующий инструмент (так приходили бы, наверное, посмотреть на мамонта). И в этом есть как свои плюсы, так и минусы. Публика воспринимает малейшую паузу как сигнал к аплодисментам, словно опасаясь тишины, а ведь так хорошо вслушиваться в стихающие звуки, а потом, в ожидании следующей порции музыки, на короткое время погрузиться в молчание.

Обычно я пропускаю концерты органного цикла, но на Фисейского пошел. Может быть, оттого что в последнее время вообще слушаю много органной музыки в записи. А может быть, потому, что в юности у меня была пластинка Фисейского с записью органных произведений Баха, которую я любил и слушал часто. И теперь, через много лет, хотелось услышать игру этого музыканта вживую.

Сейчас Александр Владимирович Фисейский — известный в нашей стране и за ее пределами органист, солист Московской государственной академической филармонии, профессор Российской академии музыки имени Гнесиных, заслуженный артист России.

Одно из самых впечатляющих событий в его музыкальной карьере — исполнение в течение одного дня цикла из всех органных произведений Иоганна Себастьяна Баха в Дюссельдорфе. Органист провел за инструментом 19 часов, начав акцию, посвященную памяти Баха, в 6:30 утра и завершив ее в 1:30. Это был настоящий «органный марафон», занесенный в Книгу рекордов планеты (российский аналог Книги рекордов Гиннеса).

Конечно же, для большинства слушателей органная музыка — это прежде всего Себастьян Бах. И, наверное, идя на органный концерт, слушатель в большой мере рассчитывает услышать музыку именно этого композитора. Программа Фисейского

не обманула ожиданий. Все первое отделение было отведено под музыку Баха.

В сознании рядового слушателя — не музыканта, не искусствоведа — Бах словно бы поглотил всех своих органных предшественников: и Фрескобальди, и Букстехуде с Пахельбелем. Безусловно, он ярче, мощнее, сложнее и значительнее, и если только органный концерт не строится как краткий очерк по истории музыки, органист часто стремится начать с самого главного, с того, чего ждут от него в первую очередь, дабы не разочаровать пришедшего на концерт слушателя. Впрочем, и здесь есть свои хиты, которые еще и еще раз хочет услышать простой любитель органной музыки (он же не ходит на органные концерты каждый день или хотя бы каждую неделю, не погружен в эту музыку настолько, чтобы устать от «хитов»): токката и фуга ре минор, BWV 565, пассакалия и фуга до минор, BWV 582, хоральная прелюдия «Wachet auf, ruft uns die Stimme», BWV 645, хоральная прелюдия «Ich ruf' zudir, Herr Jesu Christ», BWV 639. Последняя, известная, в частности, ее убедительным использованием Андреем Тарковским в фильме «Солярис», и прозвучала в самом начале концерта, в числе четырех хоральных обработок.

Токката, BWV 564 — та, где органист, почти в самом начале, играет некоторое время ногами, очень впечатлила: мы услышали неудержимое, неостановимое движение, словно перед нами пронесся не только поток звуков, но и лавина чувств, мыслей.

Не менее убедительно звучали у Фисейского и задумчиво-сосредоточенные произведения Баха.

Наверное, желая приблизить музыку к слушателю, организаторы концерта все названия произведений (собственно, первые слова хоралов) перевели на русский язык. Действительно, так музыка воспринималась лучше, хотя в то же время как бы немного отдалялась от нас, ведь становилась более очевидной, наглядной ее связь с лютеранским богослужением. Возвышенное переставало быть просто возвышенным, мы прикасались к целому пласту религиозно-художественной культуры, далекому от нас, хотя в чем-то и близкому.

Во втором отделении концерта слушателей ожидало немало сюрпризов. Звучала послебаховская музыка. Феликс Мендельсон-Бартольди раскрылся с неожиданной стороны как автор проникновенной органной музыки, в которой есть и лирика, и самоуглубление, и величие, и религиозный экстаз. Все это мы ясно услышали в игре Александра Фисейского.

Хоральные обработки Иоганнеса Брамса тоже нельзя отнести к самым известным сочинениям композитора.

В этой музыке преобладает философское настроение, она словно призывает нас к размышлениям о жизни и смерти. Ну а уж имя итальянского композитора Доменико Циполи мало кому из наших слушателей о чем-то говорит.

Мне кажется, в игре на органе есть что-то особенное. Здесь музыкант не просто производит звуки (само слово «орган» происходит от латинского *organum*, что означает «инструмент, орудие») посредством инструмента, а словно священнодействует, или, лучше, беседует с огромным организмом, у которого есть своя душа и которого музыкант как бы пробуждает, а может быть, наоборот, заставляет грезить и знакомит нас с его с нами.

Наверное, музыканты, играющие на скрипке, виолончели, электрогитаре (список можно продолжить), могли бы поспорить со мною, сказать то же самое о своем инструменте (о любом инструменте), но по крайней мере у меня это ощущение возникает именно при виде музыканта, сидящего за органом. Ведь орган, настоящий орган — он огромный, состоит из большого числа труб и трубочек, музыкант не может унести его с собой, даже не может передвигать по сцене, он словно встроен в здание, является частью его пространства, его акустики.

Кстати, сам Фисейский в одном из интервью говорил об особой непредсказуемости органного концерта. Если ты играешь в новом зале, на новом для тебя инструменте, то не знаешь, как сложатся отношения именно с этим инструментом.

Несомненным украшением и эффектным завершением программы вечера стала пьеса Софии Губайдулиной «Светлое и темное». Она отличалась от всего предыдущего и демонстрировала иные возможности органа, иную атмосферу. Здесь не было ни величавого спокойствия, ни лирики в привычном ее понимании. Свет и тьма применительно к музыке — всего лишь метафоры. Но они обозначили направление и диапазон слушательского восприятия. Тревога, мистика, стремление вслушиваться в звуки инструмента, как в звуки окружающего мира, контраст как принцип композиции...

Мне кажется, на органных концертах часто не хватает именно современных произведений. Хотелось бы пожелать себе и всем слушателям большего разнообразия музыки на выступлениях органистов. Часто ли, например, нам приходится слушать органные произведения Оливье Мессиана? А ведь это, возможно, лучшее, что написано в XX веке для данного инструмента, — подлинно творческое продолжение традиции, музыка по-настоящему религиозная, писавшаяся не столько для концертных залов, сколько для соборов.

Последнее замечание вовсе не означает, что программа июньского концерта показалась мне неудачной. Напротив, она производила впечатление тщательно продуманной, хорошо выстроенной. Казалось, подбор произведений должен был прежде всего настроить слушателей на высокий лад, заставить задуматься о вечном. И мне кажется, музыканту вполне удалось создать атмосферу, соответствующую программе концерта.

Игра Фисейского продемонстрировала составляющие, которые с опытом у хорошего музыканта только укрепляются: вкус, чувство стиля, музыкальность, умение создавать ощущение истинного величия и пр. Когда играет хороший музыкант, в какой-то момент перестаешь замечать все недостатки и инструмента, и акустики. И в тот вечер мы не просто слушали орган — мы внимали музыке. ■

Органист Александр Фисейский на сцене Алтайской филармонии.

Фото Олега Ковалёва